

Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник
Ф.И. Тютчева «Овстуг»

Научно-практическая конференция

**Осмысление наследия
Ф.И. Тютчева в XXI веке**

Избранные материалы

с. Овстуг
16 сентября 2022 г.

Океанский Вячеслав Петрович

доктор филологических наук, профессор Шуйского филиала ФГБОУ ВО
«Ивановский государственный университет»

**Геополитика Русского мира: сакральная география против зыби
существования в поэтическом наследии Ф.И. Тютчева.**

Если после Пушкина и Лермонтова назвать третью гениальную вершину руссееведческой поэзии, то это – несомненно, Тютчев. Поэту принадлежат потрясающие строки о том, что «певец мировой скорби» Шопенгауэр назвал бы «ничтожностью существования» [1, с. 114]:

Как зыбок человек! Имел он очертанья –
Их не заметили. Ушёл – забыли их.
Его присутствие – едва заметный штрих.
Его отсутствие – пространство мирозданья...

Тютчевская идея поэтической географии русского мира реально противостоит этому антропологическому минимализму и, как мы увидим, обещает многое, вдохновляет умы и доселе впечатляет...

«Если остаться в достаточно узких рамках собственно политических определений, то Тютчев уже тогда был геополитиком среди политиков; по сути был первым нашим великим геополитиком и потому не очень понимался и принимался даже близкими ему и замечательными только политиками» [2, с. 1, 15], - справедливо отмечал известный учёный и литературовед Н. Н. Скатов.

«Что такое Россия? – вопрошал сам поэт-историософ, – каков смысл её существования, её исторический закон? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражает собою?.. Правда, что вселенная указала ей место; но философия истории ещё не соблаговолила признать его за нею» [3, с. 96].

В самых существенных чертах своей поэтической историософии Тютчев совпадает со славянофилами (и прежде всего – с Хомяковым), ибо его сокровенный помысел отнюдь не фиксирован на малой родине – он, напротив, уже в молодости (стихотворение «Как дочь родную на закланье...», 1831 г.) мечтает

Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.. .

С другой стороны, ему постепенно открывается и кенотический образ России (стихотворение «Эти бедные селенья...», 1855 г.):

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Однако поэт не стремится к прогрессистскому усовершенствованию русской земли (стихотворение «Куда сомнителен мне твой...», 1850 г.), прекрасно понимая, что в исторически сложившейся культурной ситуации «житейский прогресс» приводит к власти рабовладельческие силы западной цивилизации и является её, а не отечественным органическим порождением:

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой –
Теперь ты сделалась лакейской.

Тютчевский патриотизм никогда не носил казённого характера – поэт приходил в отчаяние от того, с чем приходилось сталкиваться в правительственных кругах. Так, в августе 1867 года Тютчев пишет М. Ф. Бирилёвой о России: «Разложение повсюду. Мы двигаемся к пропасти не от излишней пылкости, а просто по нерадению. В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию» [4, с. 220]. У поэта немало критических стихотворений гражданской тематики, например: «Наш век», 1851 г.; «На новый 1855 год», 1854 или 1855 гг., «Н<иколаю> П<авловичу>», 1855 г.

Вместе с тем, всем хорошо известное стихотворение «Умом Россию не понять...» 1866 г. стало универсальной формулой нашей отечественной иносфии:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.

Вера Тютчева в Россию как «Богохранимую страну» носила вполне мистический характер – ей были чужды не только радикальные цареборческие намерения декабристов, но и сам всеудушающий и безблагодатный царизм, приведший к поражению в Крымской войне, к осмыслению чего мы ещё вернёмся...

О первых же он писал в 1826 г. в стихотворении «14-ое декабря 1825»:

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, -
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.

Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена –
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула –
И не осталось и следов.

Тютчев всегда верил в высшее Божественное промысление макроисторической судьбы России – в отличие от него «Рылеев и Бестужев-Марлинский разделяли самые экстремистские настроения и идеи декабристского движения, вплоть до убийства царской семьи» [5, с. 10]; так, первый из них «заставлял членов Северного общества принять план установления республики и убийства царя, разработанный в Южном обществе. <...> Он поддерживал идею убить Александра I, уничтожить царскую семью или выслать её за границу» [5, с. 103]. Павел Пестель, например, собирался много лет «бесконтрольно управлять всей Россией. <...> Автор "Русской правды" не только отказался от морализирования при рассмотрении политических проблем, но и посчитал вполне допустимым во имя "политической целесообразности" использовать любые, в том числе и аморальные, средства достижения преследуемых целей. Цареубийство, облегчая тайному обществу захват власти, могло безнадежно скомпрометировать его организаторов и участников в глазах общественного мнения. "Люди, обогранные кровью, будут посрамлены в общем мнении,

которое не даст им после того пользоваться похищенною ими властью“ (Н. М. Муравьев). Стремясь избежать этого, Пестель предложил создать ”обречённый отряд“ царевубийц, находящихся как бы вне общества. После успешного завершения этой акции ”обречённым отрядом“ надлежало пожертвовать. Тайное общество должно было казнить царевубийц и объявить, что оно мстит за императорскую фамилию...» [6, с. 207–208].

Тютчев, понимая восходящее мировое зло нарастающей тотальной революции, впоследствии в статье «Россия и революция» (12 апреля 1848 г.) укажет на тот факт, что Россия – единственная в мире противостоящая ей сила. «...”Революция была враждебна не только королям и установившемуся образу правления, - передавал тютчевское понимание Революции К. Пфэффель, – тогда, как и теперь, она покушается на самого Бога, а без Бога общество человеческое существовать не может“. <...> Корень Революции – удаление человека от Бога, её главный результат – ”современная мысль“, бесплодно полагающая в своём непослушании божественной воле и антропоцентрической гордыне гармонизировать общественные отношения в ограниченных рамках того или иного вида ”антихристианского рационализма“...» [7, с. 72], – так комментирует тютчевскую позицию крупный современный учёный.

В феврале 1848 года Тютчев написал о революции стихотворение «Море и утёс»:

Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огонь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Что понимал он под «адской силой», кроющееся за революцией как чистой идеей? Определённое разъяснение этому даёт известный

современный автор: «Реальные хозяева мира – ядро элиты и сверхэлиты, которое начало формироваться приблизительно 400 лет назад в период крушения традиционных феодальных каст. Существовала система сословной иерархии: был Папа Римский, ему подчинялись императоры, на следующей ступеньке стояли рыцари, ещё ниже – скромные купцы и т. д. Когда система стала крушиться и на её место пришел абсолютизм, началась Реформация, а потом Контрреформация, и в этот момент произошла мощная реорганизация мира. Всемирная Церковь вынуждена была перейти к стратегии не прямых действий, на смену открытой иерократии пришла криптократия, действующая через закрытый клуб "светской" знати. Это прежде всего Система правящих кланов, которые характеризует наследственность и преемственность. В основном формирование клановой корпорации завершилось к 1860 году» [8, с. 18].

Тютчев прекрасно понимал, что за любыми революционными преобразованиями в современном мире стоят эти самые «клановые» интересы – его позиция имеет глубокую корреляцию в трудах православного консерватизма... «Цель революции, бывшая первоначально галлюцинацией нескольких лихорадочных умов, ныне стала целью всего человечества. Люди устали, Царство Божие слишком далеко, православный христианский путь слишком узок и труден. Революция проникла в "дух века сего", и противиться этому мощному напору современный человек не в состоянии, потому что для этого нужно две вещи, целиком и полностью уничтоженные нигилизмом: Истина и Вера» [9, с. 85]. «Декабристы, по существу, замахнулись на Самого Бога, Который через Своих Помазанников управляет конкретным народом. Они хотели разрушить совершенное монархическое мироустройство, навязывая России демократию. Демократия в законченном её виде предполагает избрание государственных лидеров не по Промыслу и Изволению Божию: избрание властей предержащих в демократическом государстве осуществляется исключительно на основе своевольного "хотения" человек – часто омраченных грехами» [10, с. 9].

Внутренняя жизнь России доставляла Тютчеву много боли: «Одним словом, власть в России на деле безбожна, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого непреложного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по большей части есть не что иное, как скрытый произвол» [11, с. 184]. Будучи верноподданным царю, Тютчев не понимал отступления от христианского благочестия правительственных кругов...

Следуя своей мечте о православном единстве славян (заметим, что эти панславистские идеи совершенно не находили поддержки в правительстве), он пишет в 1841 г. стихотворение «К Ганке»:

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь, -
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезъязычил немец,
Этих – турок осрамил.

Вот среди сей ночи тёмной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил!

И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, -
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

Это поэтическое обращение, опубликованное в журнале «Русская беседа» в 1858 году, посвящено крупнейшему деятелю чешского национального возрождения, филологу и поэту Вацлаву Ганке, но обращено оно ко всем братьям-славянам, призываемых Тютчевым к славянскому духовному всеединству, и предвосхищает ключевые идеи замечательного историософского труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»... В идеале этот Всеславянский союз должен был состоять из следующих государств: Русской империи, Королевства Чехо-Мораво-Словенского, Королевства Болгарского, Королевства Румынского, Королевства Эллинского (Фессалия, часть Македонии, Родос, Крит, Кипр, побережье Эгейского моря), Королевства Мадьярского, Царьградского округа [12, с. 330]. На исходе сороковых годов XIX века Тютчев пишет свою знаменитую впечатляющую и беспримерную «Русскую географию», апеллируя к духу и букве библейских пророчеств:

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

Но так им мыслился идеальный символический расклад: стихотворение представляет собою гимн, воспевающий «всеславянское цветение» [13, с.

122] – в жизнеспособности оного четверть века спустя, как хорошо известно, был глубоко разочарован «пламенный реакционер» К. Н. Леонтьев, в основе своего миропонимания всё-таки весьма близкий Тютчеву (не даром же ушедший ещё глубже в своих отчаянных и пронзительных разочарованиях поэт XX века Георгий Иванов восклицал: «А мы – Леонтьева и Тютчева сумбурные ученики!»)...

В стихотворении «Рассвет» 1849 г. историческое пробуждение России сравнивается с рассветом в природе: Русь уже в доспехах – не смиренная страдальца, а «исполин державный». Но безграничная вера поэта в высшую Божественную миссию родины определяется словами «Вставай Христовой службы ради!» и обретает литургические черты:

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласися!

Этот звон предваряет ожидаемое наступление «светлого дня» – символического предзнаменования восхода «солнца незаходимого» и наступления «дня незакатного». Согласно раннецерковному неоплатоническому символизму Корпуса Ареопагитик, «сверхсветлое Светоначалю... просто само по себе господствует, превосходит, объемлет и собирает воедино всех как духовных, так и разумных существ, способных к восприятию света» [14, с. 38]. Тютчевское стихотворение пронизано этим софийным «светом»:

Струя в Босфоре заалела.
А уж восток заря румянит...
И скоро светлый день настанет.

Как подчёркивает знаменитый ученик св. апостола Павла, «я не сторонник нелепого мнения, будто солнце – это божество, создавшее весь

этот мир и самостоятельно им управляющее, но утверждаю (вместе с апостолом), что ”с тех пор, как создан мир, неведомое в Боге, то есть вечное могущество и Божественность его, познаётся чрез размышление над творениями“ (Рим., 1:20). Впрочем, более подробно всё это будет изложено в ”Символическом богословии“. А сейчас мне пора приступить к славословию Блага, именуемого умопостигаемым Светом...»: оно «как бы приподнимает и открывает погребённые во тьме кромешной веки... духовных очей» [14, с. 38]. Здесь открывается духовно-анагогический смысл патриотической лирики Тютчева.

Теперь мы вплотную подошли к теме монархизма в его творчестве. Уже говорилось о священном отношении поэта к царю как помазаннику Божьему: здесь он является апологетом православного консерватизма, его идеи согласуются с определёнными трудами церковных авторов. Церковь изливала свои дары «в священном помазании на царство и возлюбила помазанника своего не только как главу государства, но и как носителя особой харизмы царствования, как жениха церковного, имеющего образ самого Христа» [15, с. 191], - подчёркивал отец Сергей Булгаков. Современник же Тютчева свт. Филарет Дроздов особо отмечал: «Царь, по истинному о нём понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, досточтим, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным, закон в книге благоустраивает общественные здания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчиненных деятелей есть Царь» [16, с. 13].

В жизненной практике отношение поэта к царю было иным: «18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Когда Фёдору Ивановичу сообщили об этом, то он со свойственной ему яркостью речи сказал: ”Как

будто вам объявили, что умер Бог“. Он прекрасно понимал, что вместе с этим человеком в прошлое уходит целая эпоха, и уже в начале апреля пустил в оборот крылатое слово ”оттепель“, благополучно пережившее своего создателя... Пройдёт несколько месяцев, и Тютчев под непосредственным впечатлением от севастопольской катастрофы напишет эпиграмму-эпитафию покойному самодержцу» [17, с. 201]:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, -
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Как объяснить такое вопиющее несоответствие веры в идею царя с реальным отношением к нему? Нет сомнений в том, что для Тютчева столь резкая критика конкретного российского самодержца стала возможной потому, что трагедия Крымской войны продемонстрировала неспособность воплотить идею славянского всеединства, тогда как прежде всё было иначе... «Некогда Тютчев уповал не только на физическую мощь самодержавия, но и его нравственное превосходство над ”гнилым“ Западом» [17, с. 199], - отмечает современный исследователь. В статье «Россия и Германия», написанной в ответ на книгу маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», содержащей неприязненные и недостоверные суждения о России, сам Тютчев говорит о царе только в превосходной степени и провозглашает следующее: «Бессмертною заслугою монарха, находящегося на престоле России, служит то, что он полнее, энергичнее всех своих предшественников проявил себя просвещённым и неумолимым представителем... исторической законности» [3, с. 98].

Обратимся к стихотворению «Пророчество» 1850 г.:

Не гул молвы прошёл в народе,
Весть родилась не в нашем роде –
То древний глас, то свыше глас:
«Четвёртый век уж на исходе, -
Свершится он – и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, -
И встань как всеславянский царь!

Известно, что появление этого стихотворения вызвало гнев Николая I. Через Н. Н. Анненкова царь направил А. С. Норову отношение, в котором говорилось: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: ”Подобные фразы не допускать“» [18, с. 324–325]. Очевидно, что русский царь не разделял тютчевской идеи о славянском единстве и отнюдь не собирался становиться «всеславянским царём» – этот Божественный статус был вне его политической компетенции...

С. С. Аверинцев указывал на апокрифические и мистические корни этой тютчевской идеи: «...в одном из духовных стихов народ говорит о власти Белого Царя ”надо всей землёй, над вселенною“ – это уже не политика, это нечто иное» [19, с. 218]. Как подчёркивал отец Сергей Булгаков, «это преображение власти, которая становится уже не властью меча, но властью любви» [15, с. 195]. Вот, как говорит об этом сам поэт, полемизируя с железным и кровавым германизмом Карла Бисмарка в стихотворении «Два единства», написанном в сентябре 1870 г.:

Из переполненной Господним гневом чаши

Кровь льётся через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши! -
Славянский мир, сомкнись тесней...
”Единство, - возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью...”
Но мы попробуем спаять его любовью, -
А там увидим, что прочней...

Отец Георгий Флоровский даёт интересный комментарий к этим историософским идеям: «Тютчев, в своём роде, предвосхищает мечту Владимира Соловьёва о всемирном согласии и возрождении мира через ”воссоединение Церквей“, которое виделось Соловьёву как союз между вселенским Папой Рима и всемирным Царем России. Папство будет спасено через Российскую Империю, тогда как Россия получит новый запас сил от воссоединенной Церкви. Это напоминает тютчевскую мечту: ”Существует лишь одна светская власть, опирающаяся на вселенскую церковь, которая способна реформировать папство, не ущемляя Церкви. Подобная власть никогда не существовала и не могла существовать на Западе“. В настоящее время её не существует и на Востоке. Однако возможность её вполне мыслима и должна быть воплощена в жизни. Эта империя – не Россия, Это «Великая Греко-Российская Православная Империя», в которую должна разрастись Россия. Это и есть та вершина исторического развития, к которой стремится Россия. ”Если бы Россия не развилась в империю, она бы рассыпалась“, – утверждает Тютчев» [20, с. 230].

Однако в письме к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 г. поэт весьма пронизательно указывал: «Всё зависит от того, как славяне понимают и чувствуют свои отношения к России. В самом деле, если они – а к этому склонны некоторые из них, – если они видят в России лишь силу – дружескую, союзную, вспомогательную, но, так сказать, внешнюю, то ничего не сделано и мы далеки от цели. А цель эта будет достигнута лишь тогда,

когда они искренне поймут, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяет между собой все составные части единого целого, действительно живого» [21, с. 216–217].

Мы видим, что космизированный образ русского мира обретает в художественном мире Тютчева героико-эпические и профетические черты: поэт верит в софийное торжество и святость самой культурно-исторической идеи земного православного царства и приглашает всех к литургическому соучастию в этой духовной трапезе:

Придите ж к дивной Чаше сей...

Примечания

1. Шопенгауэр А. Новые параграфа: Отдельные, но систематические изложенные мысли о разного рода предметах. 1810–1860 // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия. М.: «ТЕРРА–Книжный клуб»; «Республика», 2001.

2. Скатов Н. Н. По высям творенья // «Литературная газета». № 43 (5946). 22–28 октября 2003 г.

3. Тютчев Ф. И. Россия и Германия // Русская идея. М., 1992.

4. Письмо Ф. И. Тютчева к М. Ф. Бирилёвой за август 1867 г. цит. по изданию: Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.

5. Лейтон Л. Дж. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб., 1996.

6. Экштут С. На службе российскому Левиафану. Историсофские опыты. М., 1998.

7. Тарасов Б. Н. Тютчев и Паскаль (антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии) // Русская литература. 2000. № 3.

8. Джемаль Г. Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя // Литературная газета. 2004. № 3 – 4 (5957 – 5958).

9. Роуз, иеромонах Серафим. Человек против Бога. М., 1995.
10. Чеверда А. А. Россия удел пресвятой Богородицы // Николо-Шартомский Благовестник. 2001. № 4.
11. Письмо Ф. И. Тютчева к А. Д. Блудовой от 28 сентября 1857 г. цит. по изданию: Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
12. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
13. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избр. статьи. М., 1992.
14. Св. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
15. Булгаков, Отец Сергей. Православие и государство // Православие: очерки учения православной церкви. Киев, 1991.
16. Дроздов, Митрополит Филарет. О государстве. Тверь, 1992.
17. Экштут С. Тютчев – тайный советник и камергер. М., 2003.
18. См. примечания к изданию: Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
19. Аверинцев С. С. Византия и Святая Русь: два типа сознания // Новый мир. 1988. № 7.
20. Флоровский Г. Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998.
21. Письмо Ф. И. Тютчева к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 г. цит. по изданию: Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2.

Чернова Любовь Михайловна

студентка аспирантуры ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет», директор МБУК «Литературно-
художественный музей М. и А Цветаевых», лектор-экскурсовод
ГАУК МО «Объединенный мемориально-художественный музей-
заповедник «Усадьба «Мураново» имени Ф.И. Тютчева и народных
художественных промыслов «Усадьба Лукутиных»

Отражение политических процессов второй половины XIX века в переписке Ф.И. Тютчева.

Главная задача дипломатии — установление непрерывного контакта с
внешним миром, из чего вытекают две другие задачи: правильное
осведомление своего правительства и создание благоприятной атмосферы за
границей. Лишь на четвёртом месте стоит задача вести те или другие
переговоры согласно инструкциям своего правительства (Ю.Я. Соловьев) [2,
с.5]

Данное высказывание весьма точно характеризует деятельность на
дипломатическом поприще Федора Ивановича Тютчева. Ему свойственны и
огромное личное обаяние, и редкая проницательность.

Ф.И. Тютчев – великий поэт и незаурядный политический мыслитель.
Уже современники высоко ценили ум, образованность Тютчева и его личные
качества. Например, известный философ профессор Шеллинг говорил о нем:
«Это превосходнейший человек, очень образованный человек, с которым
всегда охотно беседуешь» [3, с.90]. При жизни Ф.И. Тютчев был недооценен
как поэт, в современной литературе – как политический деятель. В лучшем
случае, ему отводят место «мыслителя русской идеи» [1, с.91], полностью
разделявшего взгляды славянофилов. На самом деле, геополитическая
концепция поэта гораздо сложнее и противоречивее. Наблюдения Федора
Ивановича Тютчева, его анализ международных процессов точен, глубок и
интересен. Важно отметить, что поэт, как светский человек и остроумный

собеседник, оказывал влияние на общественное мнение: «Настоящею службой его была беседа в обществе» [7, с.54] – отмечал М.П. Погодин. Федор Иванович не вел записных книжек и дневников, не писал мемуаров. Даже его публицистическое наследие не так велико. Поэтому зачастую о его взглядах и впечатлениях от переживаемых событий можно узнать только из его обширной переписки. Письма Ф.И. Тютчева – важный источник для истории политической и общественной жизни России и Запада. Особенно следует выделить письма второй половины XIX века. В это время поэт уже не был связан дипломатической службой, которая в значительной мере ограничивала свободу выражения мыслей, в том числе и в личной переписке. Кроме того, жизнь в России обостряет переживания поэта за ее судьбу, способствует появлению социальных мотивов не только в публицистике и лирике, но и в личной переписке, именно в это время окончательно формируются его геополитические воззрения. Круг вопросов, затронутых Ф.И. Тютчевым, многообразен: он пишет о международном положении России, политическом устройстве обществ России и Европы, историческом пути и перспективах развития России, политической ситуации в Европе и т.д. Каждая из этих тем представляет огромный интерес для исследователя политической мысли и истории. Во второй половине XIX века Ф.И. Тютчев живет в России, тем не менее, регулярно выезжает в Европу в путешествия и на лечение, ведет активную переписку с европейскими родственниками. Таким образом, он видит политическую ситуацию в Европе снаружи и изнутри.

В 1850 году злободневная тема европейской политики – т.н. «германские дела», т.е. политическая ситуация в Германии после Прусской революции 1848-1849 гг. и принятия новой конституции 1850 г. Ф.И. Тютчев в своем письме К. Пфеффелю от 12 ноября 1850 г. отмечает, что император Николай I и российские дипломатические круги «успокоились относительно германских дел... В настоящее время общее мнение в Петербурге склоняется к тому, что междоусобная война в Германии на этот раз будет

предотвращена, <...> подобного результата живейшим образом желает наш кабинет» [13]. Сам же Ф.И. Тютчев склоняется к тому, что эта безопасность только временное явление, что «в данном случае соглашение серьезное и искреннее является невозможным, тогда как то, что внутренняя борьба окончится рано или поздно междоусобной войной, представляется мне сущностью настоящего положения в Германии» [13]. Он убежден в полном антагонизме Австрии и Пруссии, вследствие которого объединение Германии не представляется возможным. «Единство Германии – может быть, химера, но это одна из тех химер, которые пожирают действительность... Вместе с Австрией неосуществимо германское единство, а без Австрии Германия перестает быть реальностью» [13]. Единственное средство, которое могло бы помочь в данной ситуации, по мнению поэта, – «война с чужеземцем. Но эта надежда на спасение еще менее реальна, чем все прочие, так как Франция в том положении, в каком она находится теперь и в которое она погружается все более и более, не может и думать о нападении на кого бы то ни было; что же касается России, то далекая от того, чтобы напасть на Германию, она полна решимости не допустить, чтобы какая-нибудь иностранная держава на нее напала» [13].

Еще одно важное направление его политических рассуждений – Франция, к событиям в этой стране он возвращается неоднократно на страницах своих писем. Действительно, во второй половине XIX века Франция – регион крайне нестабильный: февральская революция 1848 г., захват власти Луи Бонапартом и создание Второй империи, франко-прусская война, создание Третьей республики – все это не только явления жизни Франции, но и факторы, осложняющие и изменяющие политическую обстановку в Европе в целом. Кроме того, Ф.И. Тютчев негативно относится к революциям, в его представлении это «катастрофа, отправная точка длительного и медленного разложения» [14, с.283] миропорядка. Поэт с тревогой наблюдает за развитием событий в этом «революционном» регионе.

В начале 50-х годов XIX века в политической и экономической жизни Франции наступает относительная стабилизация, которая позволит Луи Бонапарту произвести государственный переворот и объявить себя императором Наполеоном III уже к концу 1852 года. Ф.И. Тютчев в своих письмах оценивает этот период стабильности негативно, как время застоя: «Очевидно, что во Франции все партии, ожесточенно набрасывавшиеся друг на друга, совершенно умерли; из всех партий в живых остался социализм, то есть болезнь, разъедающая общество. Мне кажется, что республиканское переходное положение, затянется надолго, вопреки всеобщим ожиданиям» [14, с.283]. Причем, поэт считает, что республиканское правление «вовсе не мешает наступлению эпохи цезарей – совсем наоборот» [14, с.283]. Конечно, он хорошо осознает противоречивость политической ситуации в этом регионе. Даже в 1865 г. Ф.И. Тютчев все еще уверен, что революция до конца не завершилась, а политическая жизнь Франции – бесплодна. Причем, в это время поэт находится в Париже в отпуске, встречается со многими высокопоставленными придворными Наполеона III, например, с родственниками императора, семьей Таше. Присутствует он и на заседаниях Законодательного корпуса. Вот что он писал по этому поводу: «На днях я присутствовал на заседании Законодательного корпуса. – Это все еще продолжение революции. Не то чтобы современный режим чем-то не устраивал французские массы. Просто партии, за которыми во Франции всегда остается последнее слово, не долго будут переносить его – да и всякий другой не дольше... Словом, политические режимы подобны некоторым животным в зверинцах, – сами-то по себе они живут, но подобных себе на свет не производят...» [17]. Отмечает поэт и нестабильность политики Наполеона III, он не верит в устойчивость Второй империи, и любые негативные события расценивает как признаки близкого и неминуемого конца. На его взгляд, на революционном фундаменте невозможно построить здание стабильной государственности. Правильность мысли Ф.И. Тютчева подтвердится уже через 5 лет. С июля 1870 г. Ф.И. Тютчев вновь выезжает за

границу для лечения, известие о начале франко-прусской войны застаёт его в Варшаве. Вот как он описывает свои впечатления от этого события: «По приезде моем сюда я узнал, что война объявлена. Это все равно, что начало конца света. Воздерживаюсь от размышлений, ибо ум человеческий приведен в замешательство и оцепенение ввиду подобных возможностей... Я едва могу писать, до того я чувствую себя нервным» [21]. Ни одно другое европейское событие второй половины XIX века не находит в переписке поэта такого яркого отражения, как франко-прусская война. Поэт считает, что все происходящее закономерно вытекает из логики развития Второй постреволюционной империи, которая должна привести к гибели Европы: «...Теперь мы положительно стоим перед лицом того европейского кризиса, – задетые уже не тенью его, а дыханием, – того кризиса, предчувствие коего тяготело над миром, подобно кошмару, в течение двух поколений – той эпохи крови и разрушения, которая с 1851 года была предуказана мне в ближайшем будущем под страшным наименованием Великая Резня народов... Истинная сущность бонапартизма – это сила неограниченного зла – насилия и лжи, влияющей таким ужасным образом не только на Францию, но на всю Европу лишь потому, что она является наиболее совершенным выражением худших инстинктов современной эпохи. В этой силе положительно не без Антихриста... Что до нас, до России, то невозможно, мне думается, не признать в том, что совершается, путей провидения, покровительствующих ей. Западная Европа, как сила совокупная, окончательно сокрушена, и отныне наше будущее широко раскрыто перед нами...» [8]. При этом нужно учитывать, что такого рода пророчества поэт адресует, как правило, своей дочери Анне, а через нее И.С. Аксакову и славянофилам, на тот момент близким ему по духу. К тому же, письмо это было написано поспешно, еще до начала боевых действий. 31 июля 1870 г. Федор Иванович пишет Анне Федоровне из Тёплица уже более основательное и взвешенное письмо. Ему уже не кажется, что этот конфликт неизбежно приведет к процветанию России, наоборот, он тревожно

обдумывает опасности, с ним связанные. Катастрофическое положение французской армии здесь кажется гротескно преувеличенным: «...Война началась ровно восемь дней назад, и вот уже судьба Франции поставлена в зависимость от исхода одного сражения, которое, быть может, разыгрывается в настоящую минуту. И дело идет ни о чем ином, как о падении, явном и очевидном падении страны, общества, целого мира, каковым является Франция...» [9]. Но дальнейшее развитие боевых действий подтверждает верность анализа поэта, уже 21 августа 1870 г. произошла знаменитая битва при Седане – французская армия была полностью разбита, император Наполеон III попал в плен, Вторая империя перестала существовать. Ей на смену пришла Третья республика. Причем, поражение Франции огорчает поэта – залогом счастливого будущего России он видит разобщенную Европу. В сложившейся ситуации Германия захватывает лидирующее положение и, по мнению Тютчева, будет стремиться к объединению, причем под флагом воинственной Пруссии: «Ведь падение Франции, сколь ни заслужено оно глубоким внутренним разложением нравственного чувства, было бы тем не менее огромным бедствием со всех точек зрения, особливо же с точки зрения нашей собственной будущности... Ибо насколько соперничество сил, образующих Западную Европу, составляет главнейшее условие этой будущности, настолько же окончательный перевес одной из них над другой явится страшным камнем преткновения на открывшемся перед нами пути, и пуще всего на свете – неминуемое объединение Германии, это пробуждение легендарного Фридриха Барбароссы, которого мы увидим живьем выходящим из его пещеры. – Сцена величественная и прекрасная, должен с этим согласиться, но я был бы в отчаянии, если бы мне пришлось стать ее зрителем...» [9]. Далее Ф.И. Тютчев все более утверждает в своем мнении об опасности усиления Германии. Причины поражения Франции Ф.И. Тютчев видит в последствиях революции, которые привели к созданию нежизнеспособного государственного устройства, в разрыве с традицией и морально-нравственными нормами: «...Ибо страна, переносящая не без

известного удовлетворения позорный правительственный строй, тяготеющий над ней уже восемнадцать лет, цвет которой, представляемый высшими государственными чинами, только что принимал участие, из раболепства или по глупости, в последних непристойных деяниях этой власти, обезумевшей от безнравственности, такая страна изрекла свой собственный приговор, а события являются всегда в назначенный срок, чтобы привести его в исполнение... Нравственное превосходство решительно на стороне Германии» [10]. При этом Франция вызывает глубокое сочувствие поэта: «человеку, принадлежащему к европейской цивилизации, невозможно присутствовать при таком глубоком падении Франции, не испытывая ужасающего щемления сердца». Франция в скором времени должна лишиться Эльзаса и Лотарингии, «предотвратить эту катастрофу» невозможно, Россия, при всем желании в одиночку не сможет этому воспротивиться, а «кто подсобит нам искренне и энергично? – Англия? Но разве можно на нее полагаться?» [10]. Тем не менее, новость о полном ее разгроме поэт воспринимает оптимистично, так как это, по его мнению, должно привести к «торжественному и бесповоротному отречению от бонапартизма» [15], что, в свою очередь, должно неоспоримо улучшить французскую действительность.

Политические отношения России и Европы в это время метко описал французский поверенный в делах в Петербурге Габриак: «Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции, император нейтрален, но его нейтралитет благоприятен Пруссии» [2, с.189]. Действительно, общественное мнение и внешнеполитический курс высших правительственных кругов диаметрально противоположны. Вот, например, как Ф.И. Тютчев описывает настроение московского общества: «Здесь, как и повсюду в России, правда, враждебность к немцам очень сильна, и ей вволю предаются в печати...» [22]. Поэт утверждает, что такая позиция очень раздражает императора, ведь его подданные не разделяют его чувства к Пруссии. С осени 1870 г. французская дипломатия предпринимает усилия к тому, чтобы Российская

империя вмешалась в франко-прусские отношения. Такие попытки неизменно отклонялись, но слухи о них активно просачивались в общество. Ф.И. Тютчев отмечает: «Распускают слухи об умиротворении, которое приписывают дружественному вмешательству российского императора, коему обе стороны расположены предложить роль посредника... Но я боюсь, увы! Что это слишком хорошо, чтобы быть верным...» [23]. Версальские переговоры заставляют Ф.И. Тютчева задуматься о будущем Франции, и это будущее предстает у него в довольно мрачных тонах ожидания гражданской войны: мир на условиях Бисмарка не поможет стабилизировать внутренние противоречия страны – там разразится война партий. «Старой Франции, исторической Франции» больше нет, вместо нее «два народа, противопоставленных друг другу и воюющих друг с другом; из них один – деревенское население – желает лишь такого правительственного строя, который охранял бы его интересы, будь это правительственный строй Наполеона III или самого дьявола; другой – революционная Франция – жаждет только стряхнуть бога и всякий закон, от него исходящий, дабы не чувствовать никаких стеснений» [16].

Действительно, эта формулировка довольно точно описывает состояние Франции перед событиями Парижской коммуны. И, хотя полноценной гражданской войны удалось избежать за счет либеральных реформ, борьба между политическими партиями протекает в скрытой форме до самого конца XIX века: негодные политики неожиданно умирают, расцветает коррупция и мошенничество.

Приблизительно с марта 1871 г. внешнеполитические симпатии императорской дипломатии начинают меняться в пользу Франции. Этому способствуют опасения по поводу возросшего влияния Германии в Европе и активные усилия французской дипломатии по завоеванию благосклонности российского двора в противовес уверенному вызывающему поведению Бисмарка. Уже 23 марта 1871 г. французский представитель в Петербурге Габриак передает в Версаль, что канцлер А.М. Горчаков видит в

«республиканском правительстве Франции единственно возможное» [6, с.76]. Ф.И. Тютчев не в восторге от Третьей республики. Он хотел бы возвращения династии Бурбонов, впрочем, не считая это действительно возможным. Тем не менее, поэт предпочитает Францию в противовес германскому милитаризму, он убежден в необходимости оборонительного союза против Германии: «Разгулявшемуся милитаризму стало душно в нынешней узенькой рамке, хотя на север, на юг и на запад она в последнее время порядочно-таки пораздвинулась; ему хотелось простора, и где же его искать, как не на Востоке» [12]. Это его мнение вполне совпадало с точкой зрения А.М. Горчакова.

Таким образом, необычайно тонкое чувство политической ситуации, умение точно анализировать и детально описывать международное положение и общественное мнение придают письмам поэта неоспоримое историческое значение, сам Тютчев отмечал: «Бывают минуты, когда я задыхаюсь от своей бессильной прозорливости, подобно заживо погребенному, который приходит в себя» [24]. Кроме того, многие темы его размышлений не теряют своей актуальности и до сих пор. И.С. Аксаков писал о Тютчеве: «В сроке и способе разрешения поставленных Тютчевым вопросов ему приходилось нередко и ошибаться... Но время не упразднило самих вопросов, а многие из них поставило еще резче» [4, с.129]

Литература:

1. Бессонов, Б.Н. Судьба России: Взгляд русских мыслителей / Б.Н. Бессонов; Российская акад. управления, Гуманит. центр, Каф. философии. - Москва: Луч, 1993. - 252 с. - ISBN 5-7005-0152-X : Б. ц. Текст: непосредственный.

2. Григорьев, Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке / Б. Н. Григорьев Москва : Молодая гвардия, 2010. – 519 с. –

ISBN 978-5-235-03248-4. Текст: непосредственный.

3. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева в 3 книгах / сост. Т.Г. Денисман и др. Книга 1: 1803-1844. Москва: Литограф, 1999. – 337 с. Текст: непосредственный.
4. Пигарёв, К.В. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева / К.В. Пигарёв; Акад. наук СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. - 376 с. Текст: непосредственный.
5. Пигарёв, К.В. Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики России. Литературное наследство № 19–21 от 1935 г.
6. Пигарёв, К.В. Ф.И. Тютчев о французских политических событиях 1870-1873 // Литературное наследство №151 от 1938 г. Авторский оттиск.
7. Погодин, М.П. Воспоминания о Ф.И. Тютчеве. / М.П. Погодин. – Текст: непосредственный // Современники о Тютчеве. Воспоминания, отзывы, письма. Сборник. Тула : Приокское книжное издательство, 1984. – 158 с.
8. Письмо Ф.И. Тютчева А.Ф. Аксаковой, 20 июля/1 августа 1870 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 185-186 об.
9. Письмо Ф.И. Тютчева А.Ф. Аксаковой, 31 июля/12 августа 1870 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 190–191 об.
10. Письмо Ф.И. Тютчева А.Ф. Аксаковой, 7 августа 1870, РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 197-198 об.
11. Письмо Ф.И. Тютчева А.И. Георгиевскому, 17 мая 1865 г., РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 25–25 об.
12. Письмо Ф.И. Тютчева А.М. Горчакову, 3 ноября 1870 г., ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 8.
13. Письмо Ф.И. Тютчева К. Пффефтелю, 12 ноября 1850 г. Собрание К.В. Пигарева.
14. Письмо Ф.И. Тютчева К. Пффефтелю, 22 января 1851 г., автограф утерян. Первая публикация – Старина и новизна. Кн. 22.

15. Письмо Ф.И. Тютчева Карлу фон Пфедфелю, 9 сентября 1870, МА Оп.1. Ед. хр. 486, л. 162.
16. Письмо Ф.И. Тютчева Карлу фон Пфедфелю, 25 октября 1870, МА Оп.1. Ед. хр. 486, л. 169.
17. Письмо Ф.И. Тютчева А.Ф. Тютчевой, 17/29 марта 1865 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 66–67 об.
18. Письмо Ф.И. Тютчева Е.Ф. Тютчевой, 22 сентября 1871 г. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 103–104 об.
19. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф. Тютчевой, 24 февраля/8 марта 1854 г., РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 28-29 об.
20. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф. Тютчевой, 24 февраля/8 марта 1854 г., РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 28-29 об.
21. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф. Тютчевой, 30 июля/11 августа 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 11–12 об.
22. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф. Тютчевой, 20 сентября 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 22-23 об.
23. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф. Тютчевой, 9 октября 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 38-39.
24. Письмо Ф.И. Тютчева Эрн.Ф., Тютчевой 9 июня 1854 г. РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 50-51 об.
25. Тютчев, Ф.И. Россия и Запад / Ф. И. Тютчев. Россия и Запад: Книга пророчеств: Статьи, стихи. Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. – 202 с. Текст: непосредственный.

Природа и человек в философском творчестве Тютчева и американских трансценденталистов.

Тютчев. Философские идеи поэтического творчества Федора Ивановича Тютчева (1803-1873) достаточно хорошо изучены в отечественной науке. Однако его немногочисленные стихотворения столь многогранны, что даже при небольшом изменении ракурса их изучения появляется возможность высветить новые аспекты мировоззрения талантливого лирика. Эффективным приемом смещения точки зрения на философские взгляды поэта является их сопоставление с концепциями работ мыслителей, деятельность которых также пришлась на первую половину XIX в. и была вдохновлена сходными источниками.

Одним из ключевых мотивов поэзии Тютчева является проблема взаимоотношений природы и человека. Этот же вопрос получил глубокое философское осмысление в работах представителей американского трансцендентализма, движения, которое вполне можно назвать и религиозно-философским, и политическим, и литературным. Идеи этого движения сформировались на основе идей неоплатонизма, немецкой классической философии, британских мыслителей С. Т. Колриджа, Т. Карлейля, европейского утопического социализма. Представители данного философского направления основали Трансцендентальный клуб, главой которого стал ровесник Тютчева Ральф Уолдо Эмерсон (1803-1882), один из виднейших писателей и философов США.

Трансценденталисты. Будучи унитарным священником, Эмерсон обнаружил глубокие разногласия в своих взглядах с «официальным» христианством, что привело к сложению им духовного сана в 1832 г. Мыслитель противопоставил христианству свободную и широкую

философскую веру. Позднее эту веру называли «трансценденталистской», хотя она и включала в себя христианство, но была более универсальна.

Самым старшим членом Трансцендентального клуба был еще один унитарный священник Уильям Эллери Чаннинг (1780-1842). Он критиковал тринитарный догмат кальвинизма, учение о божественной природе Христа, отстаивал идею благодати Бога. Самым младшим трансценденталистом был публицист, поэт и мыслитель Генри Дэвид Торо (1817-1862). У него сложилась особая философия, которая последовательно отрицала уклад современной ему социальной жизни. Торо был человеком жесткой правды и посвятил себя поискам истины, гармонии человека и природы. В 60-е годы XX века Торо был признан самым читаемым и часто переводимым на иностранные языки американским писателем XIX века. Часто его называют и первым дауншифтером.

Философское наследие Шеллинга. И русский поэт, и американские мыслители были привержены идеям натурфилософии немецкого философа и представителя романтизма Ф. В. Шеллинга (1775-1854).

В критической литературе, посвященной творчеству Тютчева, считается, что понимание природы Тютчевым не только близко идеям натурфилософии Шеллинга, но даже отчасти порождено ими. При этом упоминаются личные встречи Тютчева и Шеллинга и споры между ними¹. Однако философские взгляды Шеллинга значительно изменились в позднем периоде его деятельности. Если в работах по натурфилософии автор был убежден в единстве духа и материи и привержен пантеизму, то начиная с 1800 г. баланс между материей и духом сместился в пользу последнего. Позднее Шеллинг пришел к выводу о том, что Бог возвышается над природой.

Встречи молодого Тютчева с Шеллингом происходили в 30-е гг. XIX в., когда Шеллинг уже разграничил Бога и природу. Поэзия Тютчева в этот период была пронизана идеей всеединства природы и отражала мировоззрение ранних романтиков. Философские позиции Тютчева и

¹ Пфеффель К. Воспоминания о Тютчеве. Русский архив. 1874; 10. с. 395.

Шеллинга на момент их личного знакомства не могли совпадать. Исследователь Л. Г. Шакирова убеждена, что стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа»², могло быть адресовано Шеллингу³. В нем поэт явно указывает на наличие в самой природе души, свободы, любви, в противовес мнению Шеллинга о действии над природой внешней силы. Пантеистическое мировоззрение Тютчева, характерное для его произведений 30-х годов, отрицало взгляды позднего Шеллинга, но было созвучно ранним работам немецкого философа, что не позволяет нам исключать влияние Шеллинга на поэзию Тютчева.

В отличие от Шеллинга, а также Канта, Фихте и Гегеля, американские трансценденталисты не ставили задачи формирования целостной философской системы, но впитывали любые гуманистические положения именитых мыслителей. Их взгляды были наиболее близки романтическому движению, проводившему аналогии между философией и музыкой, согласно которым философия должна была звучать в мире, а не объяснять его законы. Эмерсон и его последователи не анализировали эпистемологические и онтологические положения немецкого идеализма, но уделяли внимание его образно-художественным аспектам. Взгляды философов черпались американцами не из оригинальных текстов, а из работ эссеистов, к примеру, мадам де Сталь и Виктора Кузена. Анализ трудов трансценденталистов показывает влияние на них идей натурфилософии Шеллинга, а также его учения об интеллектуальной интуиции.

Природа как источник вдохновения. Местом деятельности Трансцендентального клуба стал небольшой американский городок Конкорд штата Массачусетс. Дружеские беседы, в ходе которых рождались идеи для творений мыслителей, нередко проходили на фоне прекрасных окрестностей Конкорда. Почти не тронутая цивилизацией природа тех мест отличалась

² Здесь и далее приведены стихи Тютчева из полного собрания сочинений и писем в 6-ти томах. М: Классика. 2002.

³ Шакирова Л.Г. Тютчев и Шеллинг. Мир науки, культуры, образования. №4 (71). 2018. С. 436.

широкой палитрой красок и форм, особенно при смене времен года, и служила главным вдохновением для американских романтиков.

Эмерсон был тонким ценителем природы. Свои воззрения на природу он выразил в своей самой известной работе, эссе «Природа» («Nature», 1836). Природа, по мнению Эмерсона, способна внушать человеку мысль о родстве с нею. Но немногие взрослые люди могут ценить природу, лишь человек, «чьи обращенные внутрь и вовне чувства по-прежнему соответствуют друг другу»⁴, сохранивший детскую простоту, наивность и гармонию раскрывает свою глубинную сущность в общении с природой.

Для Торо тема природы стала главной в его философском творчестве. Будучи «романтическим» натуралистом⁵, Торо ощущал природу иначе, чем европейские романтики. Если Шеллинг, Колридж и Карлейль восхищались ландшафтом Западной Европы, даже в начале XIX в. ограниченным, сжимающимся под ростом урбанизации, то леса Конкорда, где творил Торо, были бескрайними и неисчерпаемыми. Торо превозносил дикую природу Америки и видел в ней образ величественной природы-матери.

В ходе двухлетнего уединения в лесу у озера Уолден Торо пишет известную книгу «Уолден, или жизнь в лесу» («Walden; or Life in the Woods», 1854), художественный отчет об эксперименте по сближению с природой. Природа предстает для мыслителя мощной трансцендентной силой, соединяющей человека с Богом: «Природой невозможно пресытиться. Нам необходимы бодрящие зрелища ее неисчерпаемой силы, ее титанической мощи»⁶, - пишет он.

В изображении явлений природы Тютчев является «совершенным мастером»⁷. Стихотворения о природе составляют больше четверти всей его опубликованной поэзии. Биограф поэта И. С. Аксаков утверждает, что никто, кроме Пушкина, не владел такой способностью, как Тютчев, воспроизводить

⁴ Emerson R. W. The Complete Prose Works. London: Word Lock & Co; 1903. p. 311.

⁵ Покровский Н. Е. Генри Торо. М.: Мысль; 1983. с. 99.

⁶ Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. Пер. с англ. З. Александровой. М.: ЭКСМО; 2021. с. 306.

⁷ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М.: Книга и бизнес; 1997. с. 89.

лишь несколькими чертами всю полноту впечатлений, даруемых природой. С 18-ти до 40-летнего возраста Тютчев прожил среди «роскошной природы Южной Германии и Италии»⁸, которая влекла его к себе и после возвращения в Россию. Поэт высоко ценил и русскую природу, но она, по мнению Аксакова, не обладала для него столь живой притягательной силой, как южная природа. Скорее, Тютчев воспевал природу Шеллинга и других европейских романтиков, в которой было больше цивилизации, чем природы. Поэтому привязанность Тютчева к природе носила на себе печать обреченности, неудовлетворенности реальным миром перед созданным в воображении миром идеальным.

Единение с природой. Философия трансцендентализма содержит противоречие между экстравертным и интравертным стремлением личности. С одной стороны, внутреннее Я стремится приблизиться к Единому, а с другой – отдаляется и изолируется от него. Шеллинг предложил способ решить это противоречие в своей «Натурфилософии», содержащей учение о природе как становлении духа, который не осознает себя, хотя и пребывает в природе. В идеале сознательный и бессознательный дух, олицетворяющие человека и природу, должны соединиться.

Эмерсон по сравнению с Шеллингом придает более натуралистический характер своему учению. Человек, по его словам, является «символом деградирующего божественного начала», а природа, как источник обновления, помогает найти это начало в себе. Только через соединение с природой, причем в качестве ее «духовного исследователя»⁹, читающего и переживающего «тайнопись» природы, человек может приблизиться к Богу. Точка зрения Эмерсона на природу противоречива. Хотя «лечебные чары» природы способны исцелить человека, который осознает свое материальное

⁸ Ibid, с. 55.

⁹ Покровский Н. Е. Ральф Уолдо Эмерсон. В поисках своей Вселенной. Центр американских исследований в Конкорде; 1995. с. 335.

единство с ней, но природа «насмехается над нами, ведет нас все дальше и дальше, но никуда не приводит»¹⁰. Природе не стоит доверять.

Если для Эмерсона идеальное находится за пределами материальной природы, то Торо пытается объединить в природе и идеальное, и материальное. Природа становится для него партнером, с которым философ стремится слиться в мыслях и действиях. «Я удивительно свободно двигаюсь среди природы – я составляю с ней единое целое... я ощущаю необычайно тесное сродство со всеми стихиями»¹¹ - признается он. Уход Торо в лес был неким актом обновления внутреннего Я мыслителя, для которого был важен именно материальный опыт, не шедший вразрез с опытом духовным.

Торо понимал, что конфликт между идеальным и материальным неразрешим. «Я люблю дикое начало не менее, чем нравственное»¹², - говорит он. С одной стороны, природа необходима человеку для духовного обновления, и слияние с ней возможно. С другой стороны, природа для человека есть всемогущая сила, которую необходимо преодолевать.

Проблема отчужденности внутреннего Я в поэзии Тютчева звучит гораздо острее, нежели в работах американских мыслителей. Способность тонко чувствовать богатейшую палитру оттенков существования природы, «созвучие его вдохновения с жизнью природы»¹³, говорит о присутствии в жизни Тютчева моментов истинного единения с природой. «Все во мне, и я во всем!..», - признает он в 1836 г. наитие этих мимолетных ощущений, позволяющим прикоснуться ко всей полноте и разноплановости Вселенной. Но даже в раннем, пантеистическом творчестве Тютчева возможность слияния с природой ставится поэтом под сомнение. Ощущения единства со Всеобщим проникнуто глубокой тревогой, звучащей в строке «Час тоски невыразимой!..».

¹⁰ Emerson R. W. The Complete Prose Works. London: Word Lock & Co; 1903. p. 137.

¹¹ Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. Пер. с англ. З. Александровой. М.: ЭКСМО; 2021. с. 130.

¹² Ibid, с. 207.

¹³ Левит С. Я. Поэтическая философия Ф. И. Тютчева. Вестник культурологии. №1 (92). 2020. с. 164.

Идея растворения человеческой индивидуальности в природном целом чужда Тютчеву, поэтому даже в поэзии 30-х годов его пантеизм непоследователен. Несмотря на признание поэтом в природе «души», он изображает ее безучастной к ушедшей жизни человека, когда «гроб опущен уж в могилу», небо остается «нетленно-чистым». Принцип личности окончательно разрушает пантеистическую концепцию Тютчева к 50-м годам. Наличие гармонии в мире природы, о которой поэт говорит в строках 1865 г.: «Певучесть есть в морских волнах, гармония в стихийных спорах», противопоставляется им «разладу» с нею в «нашей призрачной свободе». Тютчев окончательно уверяется в том, что природе «чужды наши призрачные годы», и даже сомневается в наличии в ней души. Но если единение с природой недостижимо, то можно ли ее познать?

Познание природы. Эмерсон убежден в познаваемости природы: «В голове у человека весь мир ... Поскольку в мозгу его запечатлена история природы, он и пророк, и открыватель её тайн»¹⁴. Познание природы осуществимо через особый язык, символический способ толкования природных явлений. «Любое явление в природе есть символ какого-нибудь явления духовной жизни»¹⁵, - пишет философ. Наше состояние души соответствует определенной картине природы, и это соответствие имеет основой нашу метафизическую связь с природой. Интуитивное овладение языком природы позволяет человеку выйти в область сверхчувственного познания и увидеть тайну и красоту природы как единое целое.

Философии практика-натуралиста Торо более присущи элементы агностицизма, но он тоже склонен считать природу познаваемой. Но если Эмерсон видит человека «духовным исследователем» природы, то Торо считает путем познания природы слияние с ней, вовлеченность в ее царство. Аналогии между картинами природы и душевными состояниями человека в его работах редки и более сглажены. «Пока люди верят в бесконечность, они

¹⁴ Emerson R. W. The Complete Prose Works. London: Word Lock & Co; 1903. p. 135.

¹⁵ Ibid, p. 315.

будут считать некоторые пруды бездонными»¹⁶, - сопоставляет он человеческое и природное. Вовлечение в природу, по мнению Торо, происходит через воодушевленный чувственный опыт. Сам мыслитель в стремлении к слиянию с природой стоял почти неподвижно часами в лесной чаще или на берегу реки. Единение с природой означает для Торо единение с высшим духовным началом.

Сомнения в читабельности природных знаков преследовали Тютчева на протяжении всей его жизни. В стихотворении 1921 г. поэт сокрушается над утратой современным ему обществом способности читать «книгу Матери-природы», присущей древним народам. Позднее Тютчев разделяет один из важнейших принципов романтизма – возможность познания окружающего мира через самопознание. Об этом он говорит в известном стихотворении «Silentium!», где внутренний мир «таинственно-волшебных дум» человека возвышается по богатству и полноте над миром природы и социума, и является единственно достоверным источником познания.

Обращаться ко внутреннему Я вынуждает поэта закрытость природных тайн. В стихотворении 30-х годов природа у Тютчева молчит «с улыбкою двусмысленной и тайной» о событиях минувшего, а значит, не склонна раскрывать и свои секреты. В позднем же периоде творчества, в стихотворении «Природа – сфинкс...» поэт и вовсе делает «пессимистический акцент на идее бессмысленности и беззнаковости природы»¹⁷. Но и здесь звучит сомнение: «может статься», и поэт оставляет себе надежду на нахождение искры Божественного в природном мире.

Бог-природа-человек. В работах Эмерсона природа возвышается над религией и государством и служит мерилем Божественного в человеке. Философ говорит: «Божественные небеса и бессмертная смена времён года не знают ни истории, ни церкви, ни государства»¹⁸. Природа обретает у

¹⁶ Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. Пер. с англ. З. Александровой. М.: ЭКСМО; 2021. с. 277.

¹⁷ Кудрявкин С. С. Природно-ландшафтные знаки в лирике Ф. И. Тютчева. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. №7 (99). 2011. с. 162.

¹⁸ Emerson R. W. The Complete Prose Works. London: Word Lock & Co; 1903. p. 132.

Эмерсона важную функцию – она выступает посредником между человеком и Богом. «Природа - это орган, посредством которого всеобщий дух говорит с человеком и стремится вернуть человека обратно к ней»¹⁹, - говорит мыслитель. И все же именно в человеке содержится все самое ценное, природа у Эмерсона пассивна и материальна.

Торо, в отличие от Эмерсона, не ставит человека над природой. Как и Эмерсон, он признает подчиненное положение природы по отношению к Богу, т. е. и природа, и человек подчинены Высшему началу. Стоит отметить, что трансценденталисты хотя и понимали Бога в соответствии с основными положениями христианства, но считали Его концептом, идеей, платоновским, а не ветхозаветным Богом²⁰.

В ранний период своего творчества Тютчев совсем не говорит о Боге, а только о божестве природы²¹. «И нет в творении Творца...», - отчаянно восклицает он в стихотворении 1936 г. Но поэт, несомненно, тяготеет к религии, являясь человеком твердых религиозных убеждений²². Поэтому с 50-х годов в его стихах слышатся христианские мотивы. «Душа готова, как Мария, к ногам Христа навек прильнуть», - пишет Тютчев, фактически изымая природу из своей религиозной картины мира.

Выводы. Итак, общая приверженность наших мыслителей идеям натурфилософии Шеллинга и европейского романтизма не только делает их тонкими ценителями природы, но и дает способность философски осмыслить и мастерски передать всю полноту переживаний прикосновения к природным тайнам, в прозе или стихах. Во взглядах на природу американцев и Тютчева имеется ряд разногласий.

Во-первых, трансценденталисты не противопоставляют человека и природу, а стремятся к единению с ней, Эмерсон – как внешний духовный исследователь, а Торо – как равноправный партнер. В поэзии Тютчева

¹⁹ Ibid, p. 325

²⁰ Никоненко С. В. Дискуссии о существовании Бога в англо-американской теологии и философии религии XX в.: основные подходы. АСТА ERUDITORUM. №37. 2021. с. 133.

²¹ Шакирова Л.Г. Тютчев и Шеллинг. Мир науки, культуры, образования. №4 (71). 2018. с. 435.

²² Левит С. Я. Поэтическая философия Ф. И. Тютчева. Вестник культурологии. №1 (92). 2020. с. 171.

принцип личности побеждает над идеей растворения внутреннего Я в природе.

Во-вторых, Эмерсон и Торо уверены, что природу можно познать, овладев ее языком, который звучит в унисон душевным состояниям человека. Тютчев приходит к выводам о беззнаковости природы и отсутствия в ней тайны.

В-третьих, трансценденталисты видят природу силой, соединяющей человека с Богом, а Тютчев в позднем периоде творчества полностью отказывается от пантеистической картины мира, обращаясь в поисках истины к христианскому Богу.

Причины столь глубоких противоречий стоит искать не только в особенностях природной среды, в которой творят наши мыслители, но и среды культурной, столь разнящей представителей молодой, вольно мыслящей Американской нации Эмерсона и Торо, и Тютчева – личности, уникально сочетавшей Европейскую образованность и Русскую духовность.

Шевердин Виталий Анатольевич

старший научный сотрудник ГАУК «Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»

Духовный путь Ф.И. Тютчева

Ф.И. Тютчев родился и вырос в патриархальной православной семье. Правнук поэта, Кирилл Васильевич Пигарев, так описывал атмосферу их дома: «В спальне и детской блестели начищенные оклады родовых икон и пахло лампадным маслом ... Стариком он вспоминал, как в пасхальную ночь мать подводила его, ребенка, к окну и они вместе дожидались первого удара церковного колокола. В канун больших праздников у Тютчевых нередко служились всенощные на дому, а в дни семейных торжеств пелись молебны...».

Часто Тютчевы всей семьей посещали богослужения. В нашем музее хранится уникальная реликвия – молитва, написанная рукою матери поэта, Екатерины Львовны. Ее нам подарили потомки Федора Ивановича – семейство Пигаревых.

Когда Федору Тютчеву исполнилось 4 года, в дом прибыл Николай Афанасьевич Хлопов вольноотпущенный Татищевых, грамотный, благочестивый человек. Хлопов приобщил Федора к русской грамоте, основам христианского учения. Однажды, когда Николай Афанасьевич и Феденька прогуливались в роще, они нашли мертвую птицу – горлицу. Они похоронили птицу, и растроганный Федя сочинил эпитафию в стихах. Это был первый поэтический опыт Тютчева, который, к сожалению, не сохранился. Хлопов сопровождал своего, как он его называл, «дитятю» всюду – в Москву, Санкт-Петербург, Мюнхен и очень любил Федора Ивановича. При расставании, когда Федор Иванович после отпуска возвращался в Мюнхен, а Хлопов оставался в России, Николай Афанасьевич завещал своему любимцу икону, которую Тютчев хранил до последних дней жизни, которая сохранилась до наших дней.

В 1813 году в дом Тютчевых приходит учитель Семен Егорович Раич, выпускник севской духовной семинарии, одной из лучших в то время в России. В своей автобиографии Раич пишет: «Из дома Н.Н. Шереметьевой поступил я в дом И.Н. Тютчева, родного ее брата; здесь Провидению угодно было вверить моему руководству Ф.И. Тютчева, вступившего в десятый год жизни. Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, - так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!». Раич преподавал Тютчеву историю, географию, арифметику и языки – русский, французский, немецкий и латинский.

Родители поэта – Иван Николаевич и Екатерина Львовна, были образцом любви, согласия и супружеского взаимопонимания. Их дети росли и воспитывались в атмосфере семейного счастья.

Иван Николаевич был рачительным хозяином. В его владениях функционировали заводы винный, сахарный, конный. Он считал своим отцовским долгом высылать сыну Федору 6000 рублей в год не зависимо ни от чего. И делал это до конца дней своих. Иван Николаевич был человеком мягким, добродушным с редкой чистотой нравов. Был известен как беспримерный благотворитель храма, причта и крестьян. Он подарил храму аналойную икону Успения Пресвятыя Богородицы с серебряной, позолоченной ризой; Евангелие, покрытое серебряными, позолоченными досками; крест серебряный, позолоченный. Его сын, Федор Иванович Тютчев, в силу обстоятельств прибыл на могилу своего отца лишь через несколько месяцев после похорон. В письмах из Овстуга он рассказывает, как по приезде посетил службу в Успенском храме, а затем присутствовал на панихиде, которую отслужили у еще свежей могилы: «...После обедни мы слушали панихиду на его могиле». Он написал и такие слова о своем отце: «По-видимому, смерть его была столь же спокойной, сколь благостной и любвеобильной была его жизнь. Это была натура лучшая из лучших, душа, благословенная небом».

В 1776 году в Овстуге был построен храм Успения Пресвятой Богородицы дедом поэта Николаем Андреевичем. Служил четверем поколениям Тютчевых. В этом храме был крещен Федор Иванович Тютчев. Интересно, что в 2015 году в этом храме прошел обряд крещения одного из самых юных потомков Ф.И. Тютчева – Григория Николаевича Пигарева. Причем, в этом обряде использовалась крестильная рубашка, которую подарила великая княгиня Елизавета Федоровна при крещении Николая Пигарева, правнука Ф.И. Тютчева. Живя в Санкт-Петербурге, Федор Иванович чаще всего приезжал в Овстуг в дни празднования престольного праздника Успения Пресвятой Богородицы, совпадавшие с днем именин младшей дочери поэта Марии. Дарья Федоровна Тютчева, сестра Марии, описывает праздник, начавшийся с посещения всей их семьей торжественной службы в Успенской церкви, а затем остальную его часть: «...Сегодня день именин Мари и престольный праздник в нашей деревне; мы завоевали популярность у наших крестьян, бросая им с высоты балкона яблоки, пряники, баранки и монеты, тогда как в глубине сада их угощали водкой. Это началось после обедни и продолжалось до завтрака, а затем появились дети, которых впустили в дом, чтобы одарить их сладостями...». И в другом письме: «...праздник 15 августа миновал. Расскажу тебе этот великий день <...> ... крестьянки были счастливы, как дети. Вечером они вышли петь и плясать... Они импровизировали песни, сопровождавшие пляски и славили папа и мама, да еще в стихах!...». Все христианские традиции соблюдались в семье Тютчевых. Сам Федор Иванович неоднократно был восприемником, т.е. крестным отцом, венчался с обеими своими женами, крестил всех своих детей. Свои письма детям Тютчев заканчивал нежными родительскими благословениями и перепоручением их Богу: «Да хранит вас Бог», «Да благословит и да хранит вас Господь», «Да хранит вас Божие милосердие».

Он постоянно призывал своих детей к молитве: «Прощай, Анна, молись хорошенько и думай о своей матери», «Утром и вечером, когда молишься Богу, думай также и о своей матери». Отправляя дочери Анне

Новый Завет, поэт сопровождал его стихами, в которых раскрывается его представление о врачующей и утешающей силе боговдохновенного слова:

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло –
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.
Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни –
И всей душой, как к изголовью,
К не припади и отдохни.

Поэт чрезвычайно серьезно относился к церковным таинствам. Собираясь причащаться, он писал дочери Дарье, бывшей в курсе его духовных дел: «Моя милая дочь. Через несколько часов иду на исповедь, а затем буду причащаться. Помолись за меня! Моли Господа ниспослать мне помилование, помилование, помилование».

Не удивительно, что и дети его жили по христианским заповедям. Так, дочь поэта Екатерина построила школу и больницу в Варварино Владимирской губернии. Она же перевела на английский язык проповеди митрополита Филарета (Дроздова). Один из экземпляров этого издания был подарен Эрнестине Федоровне с дарственной надписью: «Да смягчит чтение этой книги горечь твоих сожалений, оживляя надежду на вечную жизнь, в которой ты соединишься с теми, кого оплакиваешь! Предпринимая этот перевод в дни боли и скорби, я обрела в нём мир Господень: да наполнит этот светлый мир твою душу!».

В.Ф. Саводник писал: «Тютчев был не только глубоко верующим христианином, но и преданным сыном своей церкви, сознательным исследователем Православия».

В то же время Ф.И. Тютчев был адептом идеи воссоединения двух ветвей расколовшегося в 1054 году христианства на православие и католичество. В письме к И.С. Аксакову от 29 сентября 1869 г. он указывал,

что «в среде католичества есть два начала <...>: христианское и папское». Первому «Россия и весь православный мир не только не враждебны, но вполне сочувственны». Комментируя высказываемую надежду Тютчева на объединение церквей, И.С. Аксаков подчеркивает: «...Само собой разумеется, при современном положении дела, воссоединение церквей, <...> конечно, необходимо».

Стихотворение «Рассвет», написанное Тютчевым в 1849 году.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?
Раздайся, благовестный звон,
И весь Восток им огласися!
Тебя зовет и будит он,
Вставай, мужайся, ополчися!

Это стихотворение находится в прямой связи с размышлениями поэта о будущем России как оплота православия, нашедшими отражение в его статьях и эпистолярном наследии. Тютчев верил в освободительную миссию русского народа-богоносца, призванного сплотить («спаять любовью») славянский мир перед лицом «богомерзких народов» и «богохульных умов» с Запада. Стихам, рисующим раздвоенность и смятение души, противостоят строки, которые можно определить как гимн вере:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Литература.

1. Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: сб. науч. тр. / сост. В.Н. Аношкина. М.: Пашков дом, 2006 г.
2. Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.3. / Сост. Б.Н. Тарасов. - М.: Издательский Центр «Классика», 2003 г.
3. Ф.И. Тютчев: Школьный энциклопедический словарь. / Сост. Г.В. Чагин. - М.: «Просвещение». 2004 г.
4. А. Полонский. Федор Тютчев. Двадцать два года вдали от России. – М.: Издательский Центр «Классика», 2004 г.
5. Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М.: Издательство «Наука». 1988 г.
6. Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Книга вторая. М.: Издательство «Наука». 1989 г.
7. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга первая. 1803 – 1844. ООО «Литограф», музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. 1999 г.
8. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга вторая. (1844 – 1860). ООО «Литограф», музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. 2003 г.
9. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга третья. (1861 – 1873). М.: «Индрик»; Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. 2012 г.
10. Ф.И. Тютчев и православие. Сборник статей о творчестве Ф.И. Тютчева. Москва, Издательский дом «К единству!», 2005 г.

Дебольская Нина Геннадьевна

младший научный сотрудник ГАУК «Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг»

Русская идея в интерпретации Ф.И. Тютчева и В.П. Мещерского

Классическая работа Вл.Соловьева «Русская идея», давшая название целой отрасли отечественной философской мысли, актуальной вот уже второй век, была написана для европейской публики. Она была прочитана в Париже на французском языке в 1888 г.

Но гораздо ранее, в течение всего XIX столетия русские мыслители размышляли о том, что Россию на Западе не знают совсем, понимают превратно или вовсе не хотят ни знать, ни понимать. В письме к доктору Колбу, редактору «Всеобщей Газеты», Тютчев отмечал: «Запад видит в России если и не враждебную, то совсем чуждую и не зависящую от неё стихию. Что такое Россия? Каков смысл её пребывания в мире, в чем её исторический закон? Откуда пришла она? Куда идет? Что представляет собою?.. Длительное время своеобразие понимания Западом России походило на первые впечатления, произведенные на современников открытиями Колумба, - то же заблуждение, тот же оптический обман. В течение веков европейский Запад простодушно верил, что, кроме него, нет и не может быть другой Европы».

В конце 1860-х гг. Герцен с горечью писал, что «на Западе Россию не знают. Нас изгоняют из Европы – подобно тому, как Господь Бог изгнал из рая Адама». Крайне любопытны мысли русских философов разных направлений, стремившихся разрушить барьер непонимания между Россией и Европой в наши дни, когда в очередной раз происходит социальное, национальное, геополитическое переустройство России и Запада. Новая фаза этого вечного «вопроса» не так давно на глазах всего мира решалась с помощью ковровых бомбометаний в самом центре Европы.

Карта мира перекраивается, рушатся целые страны, а наши «братские» страны в постсоветский период ищут себе новых «друзей» и «братьев» и становятся явными недругами России.

В контексте современной политики идеи Тютчева и князя Мещерского (чьи взгляды Тютчев разделял), а также причины, их породившие, и вся история отношений России и Запада, как её видел русский дипломат Тютчев, приобретают особый интерес.

Наш современник, Вал. Кубатов, писал: «По-прежнему в той же самой Европе крошечной ищем своего счастья и модели экономики. По-прежнему пытаемся построить русское общество под европейское, не замечая того, что мы другие. За нами стоят Леонтьев, стоит Катков, за нами – Хомяков, Аксаков, Тютчев. За нами – тысячелетняя православная традиция. Мы забыли, что грамоту получили, как никто, - мы её получили от Кирилла и Мефодия на страницах Евангелия.

Князь В.П.Мещерский (1839-1914) – родной внук Н.М.Карамзина (сын его старшей дочери Е.Н.Карамзиной), внучатый племянник князя П.А.Вяземского публицист и писатель, издатель «Гражданина» (сотрудничал Достоевский) камергер Александра II и друг Александра III. Близость взглядов Мещерского и Тютчева обусловлена защитой самодержавия, критикой государственной бюрократии и неприятием нигилистов и либералов. Оба осуждали общество и правительство за то, что они «в духе времени» потакали революционным и радикальным настроениям разночинной молодежи, обвиняли интеллигенцию в «нигилизации» общества, идущем от незнания России. Оба призывали к усилению роли дворянства, самодержавия и церкви; считали, что реформы нужно вести не штурмом и натиском, а «тихо и стройно, в неразрывном органическом общении правительства и народа». За всё это Мещерский получил клеймо махрового реакционера. Сегодня такой образ мыслей применительно к нашим реалиям выглядит эталоном здравомыслия.

Кстати, желая уколоть Мещерского как романиста, критик Л.М. Скабичевский, сам того не ведая, выдал князю бесценный вексель, написав, что Мещерский «совершенно то же самое в прозе, что Тютчев в поэзии».

Консерватизм как идеология – это способность активного реагирования на процессы истории. В начале XXI в. русский консерватизм стал заметным общественным умонастроением. Один из видов консерватизма опирается на идеалы той России, «которую мы потеряли», на знаменитую уваровскую триаду: православие – самодержавие – народность.

Общество нуждается в разумном консерватизме, в основе которого лежит вера в нравственные ценности, доверие к исторической традиции, чувство государственности и социальной ответственности, инстинкт сбережения народа и сохранности страны.

Весь XIX век отечественные мыслители - каждый сообразно своим убеждениям - пытались формулировать русскую идею. Каждый из них, а не только Чаадаев, (которому Тютчев симпатизировал) мог бы сказать, что он не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с запертыми устами. Каждый мог сказать, что обязан Отечеству истиной. Но истина у каждого была своя. В 1839 г. Россию посетил Маркиз де Кюстин. Русская нация по Кюстину, это нация, которой чужд моральный элемент, русские – это северные варвары и, быть может, почти люди, грязные и невежественные, как дикари, лукавые и коварные, какими бывают только презренные рабы. Русские – это люди, вышедшие из дикости, но потерянные для цивилизации – они «сгнили, не дозрев».

Никаких сомнений при оценке записок маркиза не возникло у Тютчева: в статье «Россия и Германия» (1844) он назвал книгу «новым доказательством умственного бесстыдства и духовного растрепания», впрочем, понятного: Запад чувствует себя перед Россией как перед стихией. Истинным защитником России от её хулителей и клеветников Тютчев считал как раз историю: она, по его мнению, разрешает в пользу России все испытания, которым подвергается её таинственная судьба.

Запад боится задать прямой вопрос, а главное, услышать ответ. Он не хочет признать справедливость самой постановки вопроса: «Что такое Россия? Каков смысл её существования, её исторический закон? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражает собою?»

Спор о России – каков смысл её судьбы, каковы корни и побегии пришелся на пору зрелого поэта-дипломата. Тютчев вступился за честь России в качестве публициста, чьи статьи печатались в европейской печати. Он становится в один ряд с Карамзиным – базовым источником для его взглядов; с Пушкиным как источником историософской мысли.

Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...,
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, пред кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Таинственный смысл Истории, связь прошлого и будущего, роль России в судьбе Европы – центр интеллектуального осмысления публицистики Тютчева. Тютчев – политический публицист выступал как актуальный аналитик и остаётся востребованным в наши «минуты роковые».

Как показывают современные исторические разыскания, Крымская война, в которой против России выступали объединенным фронтом едва ли не все европейские государства, была попыткой насильственного расчленения России, задуманного и спланированного в Европе. Сегодня лидеры США и «коллективного» Запада даже не скрывают повторения этих попыток.

И каждая из европейских стран и ныне участвующая в коалиции, так или иначе, совершила и ныне совершает грех предательства по отношению к России. Не выпускать Россию из войны, расширять её географический театр, вовлекать её в опасное предприятие как можно дольше и как можно глубже – было и сегодня стало лозунгом западной коалиции.

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Вопрос о смысле случившегося со страной, статус особого «поражения» России стал предметом размышлений размышлений Тютчева. Краеугольный камень его мировоззрения - всегда желать успеха русскому оружию и никогда не желать «поражения» своему правительству.

Тютчев осознавал себя подданным великой империи, в период Крымской войны сложились его убеждения об особой роли России в деле освобождения славян от турецкого владычества.

Очень близки к тютчевским были убеждения Достоевского, отвечавшего на обвинения западных журналистов и дипломатов:

С чего взялась всесветная беда?
Кто виноват, кто первый начинает?
И отвечал в пушкинском духе:
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Смешно французом русского пугать!
Не вам судьбы России разбирать!
Попробуйте на нас теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!
Христианин за турка на Христа!
Христианин – защитник Магомета!
Позор на всех, отступники креста,

Гасители Божественного света!

Данилевский: «Рано или поздно, хотим мы или не хотим, но борьба с Европою неизбежна. Мы не проповедуем войны, мы утверждаем лишь, что борьба неизбежна, и полагаем, что хотя война очень большое зло, однако есть нечто гораздо худшее, от чего война и может служить лекарством».

Л. Толстой, Ф. Достоевский, Ф. Тютчев - это общие базовые ценности. Приоритетный пункт системы политического реагирования.

Тютчев:

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, -
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Достоевский: « Я желал многих улучшений и перемен. Я сетовал о многих злоупотреблениях. Но вся основа моих политических мыслей была – ожидать этих перемен от самодержавия.

Тютчев переживал «Парижский трактат» как личную трагедию, но «рядом с этим была другая сторона военного мира, великолепная и святая сторона, которой мы были обязаны тем, что сердца и души наши не дрогнули и дух не упал. Сторона эта была – ежедневная летопись подвигов героизма в Севастополе. Это был какой-то героический эпос древности [Бирилёв], который в тысячах подробностей мы переживали всеми нашими мыслями.

Отношение к войне, которую ведет государство, - мировоззренческая точка отсчета. Её стержень – неизменно желать успеха своим: оружию, дипломатии, правительству, болеть за своих [сегодня это – своих не бросаем] и не желать им провала. Оборончество, а не пораженчество есть базовое русское чувство. Это мировоззренчество, сложившееся под влиянием Крымской войны, сознание национального унижения, ощущение глубокого

разочарования европейской политикой, которая всегда следует только своим собственным выгодам [о чем недавно сказал наш президент]. Духовный русский мир, русское настроение, русское чувство, русское достоинство – вот базовые ценности, которые защищал Тютчев.

Сегодня образ Европы, почти поголовно сошедшей с ума [о чем говорят немногие её представители], стал зловещей реальностью. Наши великие [к коим, безусловно, относится Тютчев], предчувствовали, что разлив зла в человечестве есть величайшая угроза истории, признак приближения её конца. Ещё в 1845 г. в письме к дочери Анне, которой предстоял переезд из Германии в Россию, Тютчев писал: «До сих пор ты знала Россию лишь по отзывам иностранцев. Впоследствии ты поймёшь, почему эти отзывы, особливо в наши дни, заслуживают малого доверия. И когда потом ты сама будешь в состоянии постичь всё величие этой страны и всё доброе в её народе, ты будешь горда и счастлива, что родилась русской».

В.Д. Гамолин:

Считаете вы неучами нас,

От истины недалеко ушли:

Дурному ничему у вас

Мы научиться так и не смогли.

Никулина Светлана Александровна
старший научный сотрудник отдела истории ГБУК «Брянский
государственный краеведческий музей»

**Тютчевед Алексеев В.П.: Поиски и находки в архивах. 1980-2000-е гг.
(Тезисы)**

1.

Особенностью научного поиска известного брянского краеведа В.П. Алексеева (род. в 1953 г.) является исключительно прикладной характер: вся творческая жизнь прошла в стенах Брянского государственного областного краеведческого музея.

2.

Первый этап работы над тютчевской темой проходил в 1983-1986 гг и был связан с подготовкой большой полноценной экспозиции в помещицьем доме семьи Тютчевых в Овстуге (воссозданном архитектором Василием Николаевичем Городковым (1914-1997)). Потребовалось создать тематико-экспозиционный план, а затем – при практически полном отсутствии подлинных экспонатов – «вдохнуть в него жизнь», закупив экспонаты в столичных антикварных магазинах и у коллекционеров. Вся работа велась в координации с художником экспозиционером Ленинградского комбината живописно-оформительского искусства Борисом Леонидовичем Яновским (род. 1948 г.). Итогом собирательской работы стало открытие

Попутно с поиском экспонатов Алексеев целенаправленно изучал материалы о Тютчевых в столичных и областных архивах. Перечень их включает: Российский государственный исторический архив (г. Ленинград ныне г. СПб), Российский государственный архив древних актов (ныне Центральный, г. Москва), государственный архив Брянской области и аналогичный архив Орловской области. А также отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Многие из выявленных архивных материалов легли в основу, изданной в соавторстве с известным брянским литературоведом Владимиром Петровичем Парыгиным (1926-1998) книги «Из противоречий сотканный талант» и получили высокую оценку в рецензиях журнала «Новое литературное обозрение».

Второй этап был связан с необходимостью перестройки экспозиции к юбилею, 200-летию со дня рождения Ф.И.Тютчева (художник В.Локотков). Он ознаменовался выходом в свет прекрасно оформленной монографии «Тютчевский Овстуг».

3.

Алексеев провел огромную работу изучению истории села Овстуг с начала XVII века. Благодаря приведению в систему разрозненных сведений из различных источников – писцовые книги, ревизские сказки, метрические книги, судебные дела – было выявлено происхождение овстугских топонимов «лавровщина» и «ипрейщина».

На сегодня ожидает спонсоров для издания рукопись готовой книги – исследования о жителях села Овстуг, где документально прослежена с XVII века по 1920-е годы история 60 семей дворян и крепостных крестьян.

4.

Изучал он и научный архив музея в Мураново (ныне Государственное автономное учреждение культуры Московской области «Объединенный мемориально-художественный музей-заповедник «Усадьба «Мураново» имени Ф.И. Тютчева и народных художественных промыслов «Усадьба Лукутиных»).

5.

Архивные изыскания послужили основой для ряда сообщений на конференциях. И если сборники конференций, состоявшихся в 1990-е годы в Мураново, Москве, и в 2003 в Мюнхене не были изданы, то местные брянские организаторы конференций: областная библиотека

им.Тютчева, музей Овстуг и другие позволяют тютчеведам воспользоваться наработками коллеги.

6.

Исследовательское везение и напряженная многолетняя работа в читальных залах архивов позволили Алексееву заполнить целый ряд лакун в тютчеведении, до того совершенно не исследованных тем, событий и персон. Ссылки на фонд, опись, дело и страницы/листы выгодно отличают его публикации от некоторых других авторов. Некоторые из обнаруженных фактов опровергли сложившиеся устойчивые легендарные мнения:

- например из истории с.Гореново Смоленской губернии,
- о времени появления первых предков поэта на Брянщине,
- о притязаниях мнимых потомков поэта на родство с ним,
- о реальных связях Тютчевых с соседними дворянскими родами:

Вепрейскими, Суходольскими, Небольсинными.

7.

Много неизвестных ранее подробностей жизни родственников Тютчева:

Деда и бабушки ,

дяди Дмитрия,

его внука - поэта Дмитрия Карловича Лизандера (1824 или 1818-1894),

тётушки Варвары Николаевны в замужестве Безобразовой из с.Кокино,

самого Ф.И.Тютчева, его жены, детей от двух браков,

управляющего имением Василия Кузьмича Стрелкова,

... использовались в последующем другими тютчеведами.

Например, Г.В. Чагин процитировал некоторые факты о полковнике Дмитрие Тютчеве в своей монографии «Тютчевы. Преданья русского семейства».

(Чагин: «Многими фактами о жизни Тютчевых на Брянщине и о пребывании там самого поэта изобилует книга брянских краеведов В.П.Алексеева и В.П.Парыгина «Из противоречий сотканный талант»»)

Установление взаимных связей или подтверждение их отсутствия прояснило вопрос о брянской ветви рода Тютчевых (хотылевских, кабалических) и его родстве с предками Ф.И.Тютчева. Были составлены родословные росписи трех брянских ветвей Тютчевых, не связанных родством с основной ветвью, к которой принадлежит Ф.И.Тютчев. Составлены родословия более 50 крестьянских родов села Овстуг с начала XVII века по 1920-е годы.

8.

Закономерно в связи с вышеизложенным присуждение В.П.Алексееву в 2013 году Всероссийской литературной премии «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева.

ИСТОЧНИКИ

Чагин, Геннадий Васильевич (1934-).Тютчевы [Текст] / Г. В. Чагин. - Санкт-Петербург: Наука, 2003. - 415, [1] с., [20] л. ил., портр. : ил.; 22 см. - (Преданья русского семейства).; ISBN 5-02-026821-6 (в пер.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций

Брянские люди XVIII века/В.П. Алексеев.- Брянск: ТОО «Придесенье», 1993. - 200 с.: ил.

Брянские люди XVII века/В.П. Алексеев. - Брянск: Изд-во обществ. благотворит. Фонда им. Св. блгв. Кн. Олега Брянского, 2001. - 275 с.: ил.

Из противоречий сотканный талант/В.П. Алексеев, В.П. Парыгин.- Кн. 2. - Брянск: Придесенье, 1993. - 376 с.: ил. - (Брянщина литературная).

Тютчевский Овстуг: Очерк-путеводитель/В.П. Алексеев. - Придесенье, 2000. - 186 с.: ил.

Сборники

Дворянские гнезда Брянского края/В.П. Алексеев//Русская провинциальная усадьба XVIII – начала XX веков/Центр духовного возрождения черноземного края. – Воронеж, 2001. – С. 99-44.

Другие Тютчевы, другой Федор Иванович//

Овстуг – усадьба Тютчевых/В.П. Алексеев//Русская провинциальная усадьба XVIII – начала XX веков/Центр духовного возрождения черноземного края. – Воронеж, 2001. – С. 45-59.

Овстужане в 1846 г./В.П. Алексеев//Тютчевские чтения на Брянщине: Материалы I-V чтений/Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. - Брянск: Изд-во БГПУ, 2001.- С. 162-168.

Панютины – брянские предки Ф.И. Тютчева/В.П. Алексеев//Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: Матер. науч.- практ. конф. 20-21 мая 2003 г./Брян. обл. науч. универсал. б-ка им. Ф.И. Тютчева. – Брянск, 2003. – С. 281-284.

Родственник Ф.И. Тютчева поэт Дмитрий Лизандер/В.П. Алексеев//Тютчевские чтения на Брянщине: Материалы I-V чтений/Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И. Тютчева. - Брянск: Изд-во БГПУ, 2001. - С. 188-193.

Ф.И. Тютчев и С.И. Мальцов/В.П. Алексеев//С.И. Мальцов и история развития Мальцовского промышленного района. - Брянск, 1998. - Ч. 3. - С. 62-65.

Тютчева Ф.И. литературно-мемориальный музей/В.П. Алексеев//Российская музейная энциклопедия: В 2 т. - М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. - Т. 2. - С. 270.

Родословная роспись Безобразовых. // Брянский край. Историко-краеведческий альманах. Брянск, 2012.

Хранители Тютчева. О Гамолине В.Д. и Н.К.Кузнецовой. Овстугская конференция. 2012г.

Периодические издания

Будущий музей в Овстуге/В.П. Алексеев: [Об экспозиции музея-усадьбы Ф.И. Тютчева в с. Овстуг Жуковского р-на]//Брян. рабочий. - 1983. - 1 дек.

Бессмертие поэта//Брян. рабочий. – 2003. – 26 июля.

Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневнике Ф.Ф. Тютчева

Актуальность исследования определяется необходимостью восстановления забытых имен солдат, офицеров и генералов, героически сражавшихся в войнах начала XX в. Среди них — Федор Федорович Тютчев (1860–1916), офицер и писатель в одном лице, оставивший потомкам большое творческое наследие: шесть романов, более десяти повестей, сотни очерков рассказов.

Военную тематику писатель черпал из собственного опыта, обучаясь в Тверском юнкерском кавалерийском училище, познав тяготы военной доли в Московском лейб-драгунском полку, состоя двадцать пять лет в штате пограничной стражи Российской империи. Актуальны его публицистические материалы и художественные произведения, написанные на темах Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войн. Можно сказать, что литературные герои Тютчева воплотили этапы духовного взросления писателя и его мировидения.

Как представитель лучшей части русского офицерского корпуса Ф. Ф. Тютчев блистательно показывал себя на поле брани. Свидетельство тому — высшие награды, полученные им за храбрость и мужество.

Военный дневник Федора Федоровича Тютчева хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹, состоит из четырех тетрадей размером 15x21 см, листы которых хорошо сохранились. Они исписаны понятным размашистым почерком Тютчева, с характерным написанием букв «е», «з», «в», со строгим соблюдением правил употребления дореформенных «еров» и «ятей». Композиция дневника строится так, что каждая его часть озаглавлена, чаще всего датой. Свои ежедневные записи Тютчев вел с обеих сторон листа, на которых практически отсутствуют орфографические ошибки и исправления в тексте,

что подтверждает личную ответственность автора, его высокую языковую культуру.

Предположительно утеряны, поэтому отсутствуют в архиве, записи Тютчева с 16-го октября по 10-е ноября, с 14-го по 31-е декабря 1914 г. и с 1-го января по 24-е февраля 1915 г. — почти треть текста дневника.

На 70-ти страницах тетради № 1 с 18-го июля по 15-е октября 1914 г. автор описывает свои впечатления о первых днях начала Первой мировой войны, передвигаясь по пути из селения Доробрица Архангельской области, родины жены, через города Вологду, Ростов, Москву до Новороссийска к месту службы офицера в бригаде ОКПС. Далее речь идет о деятельности Тютчева по мобилизации в городе Карсе, поясняются мотивы настойчивых просьб офицера к руководству русской армии об отправке его на фронт.

В августе 1914 г. по личной просьбе и по согласованию с пограничным ведомством 54-летнего Тютчева определили командиром 2-го эксплуатационного батальона Кавказской парковой конно-железной бригады, дислоцировавшегося в городе Карсе. Федор Федорович, чтобы успокоить своих родных и близких, «в душе очень обрадовался» тыловой должности. Но вскоре к офицеру пришло разочарование от своего назначения. Он решил отправиться на войну, испытывая душевную боль от неудач России на фронте с Германией и ее союзниками, надеясь поучаствовать в сражениях против коварного врага. Переживал, что на его обращения не реагировали, допуская «пока попадет в действующую армию, война окончится». Но, благодаря своей настойчивости, все-таки добивается перевода на западный фронт: «Ах, как мне хочется поскорее в бой, особенно теперь, когда бои для нас, русских, победные»ⁱⁱ.

Писатель признавался, что на эту войну он ехал гораздо равнодушнее, чем на Японскую, твердо веря, что будет так, «как быть суждено». Но в жизни Федор Федорович часто действовал вопреки присущему ему переменчивому настроению, «то радостному и бодрому, то подавленному».

Сравнивая сложившуюся на фронтах обстановку с Русско-японской войной 1904–1905 гг., в которой Тютчев принимал участие и как военный корреспондент, и как боевой командир, он понимал разницу между этими кампаниями, поэтому каждую победу на фронте Великой войны воспринимал восторженно: «Ура! Победа над немцами. Били австрийцев! Били немцев! Если бы они были не так самонадеянны, они бы по примеру Порт-Артура должны были видеть, насколько велик дух русской армии»ⁱⁱⁱ.

На страницах тетради №№ 3,4 с 11-го ноября по 13-е декабря 1914 г. подробно запечатлены маршруты передвижения войск русской армии по территории Польши и Галиции, упомянуты фамилии командиров, названия населенных пунктов, описаны важные события, происходившие на линии фронта.

Пожалуй, самым ценными записями дневника является подробнейшее свидетельство фронтовой жизни, начиная с 23 октября 1914 г., когда Тютчева назначили на должность этапного коменданта местечка Заболотье. Менее чем через месяц 14 ноября 1914 г. он прикомандировался к 36-му Орловскому пехотному полку, где принял командование батальоном. С этого дня офицер видел и ощущал войну вблизи, что отразилось на содержании его записей: «В первый день похода не сколько от усталости, сколько от всякого рода волнений, связанных с новыми впечатлениями, я чувствовал себя к вечеру довольно скверно, сильно кашлял и был в подавленном настроении духа. Ночь спал плохо.»^{iv}. Офицер тяжело переносил невзгоды военной жизни: «Я иду по проселочной дороге, измученный, голодный и только думаю о том, чтобы поскорее добраться до ночлега...»^v.

Тютчев, двигаясь с запасными частями, стал свидетелем многих интересных эпизодов военной действительности. К примеру, оказавшись в окопах, офицер испытал особое чувство «очень приятное, бодрящее». Он откровенен в своих мыслях: «Я совершенно не думаю об опасности, а напротив всеми фибрами души желаю, чтобы поскорее был бой и уверен, что буду спокоен»^{vi}. В сражении 8 декабря 1914 г. командир батальона

подполковник Тютчев проявил не только выдержку и спокойствие, но и особую отвагу, за что был произведен Георгиевские кавалеры.

Сравнивая возможности противоборствующих сторон на линии фронта, офицер Тютчев анализирует, что «Австрийцы ведут войну фабричным, а мы кустарным способом». Техническую оснащенность врага русские воины стремились одолеть «личным искусством каждого бойца в отдельности, с помощью ловкости, находчивости, удали». В бою, отмечал Тютчев, решающая роль была не за бронированными автомобилями и аэропланами, а за личными качествами русских бойцов — меткого глаза, крепкой руки, сметки и «восторга».

Федор Федорович по отзывам сослуживцев был «кругом хорошим», гуманным, но в минуты отчаяния он страстно мечтал об «избиении сотен людей» из стана врага, о причинении им ран, страданий, даже смерти. Тютчев пытался найти объяснение своему психологическому состоянию, задаваясь вопросами: «Что это значит? Какой импульс руководит мною?». Причину Тютчев искал в трагичной сути войны, которая, порой, становится неотъемлемой частью человеческой жизни. В такие минуты слабости в записях писателя исчезал романтический пафос, его перо становилось жестким и ненавистным к войне и к тем, кто ее развязал.

Писателя удивляла не человечность австрийцев по отношению к своим же товарищам. Так, отступая, они оставляли на верную смерть раненых без медпомощи, продуктов и теплой в лесу. Обессиленные и немощные, те «стонали и вопили ужасными голосами: «Помогите! Помогите!».

Автор создал галерею портретов героических личностей на войне. Ему с каждым днем «все больше и больше» нравился командир полка полковник М.Н. Скалон^{vii} «своей невозмутимостью, хладнокровием, выдержкой, любезностью и удивительной доброжелательностью к полку».

Писатель не обходит вниманием образы нижних чинов, показывая их бесстрашие и героизм на войне. Его очаровал капитан Миклашевский, «идеальный офицер в смысле боевого опыта, знания тактики, изумительной

находчивости в бою, выдающейся храбрости»^{viii}. Автор с любовью пишет о русских солдатах, восхищаясь их добротой, отходчивости, неприхотливости в быту и на полях сражений. Сравнивая личные качества русских воинов с особенностями противника, писатель резюмирует, что «наши» гораздо более выдержаны, чем «чересчур нервные» австрийцы. Тютчев восхищался разведчиками — это «настоящие кошки». Наблюдая их в деле, писатель отмечал, что они «ночью видят не хуже, чем днем, а про слух и говорить нечего, прямо что-то невероятное, до чего развит слух у нашего солдата». Литератор называет их художниками войны, не ремесленниками, а именно художниками, «замечательно изобретательных на всякого рода каверзы врагу и искренне увлекающихся». Они рисуются автором в вылазках в стан врага забывающими «всякую осторожность и презирающим всякую опасность». Тютчев верит, что для них «рискованная разведка — весёлая прогулка, а рукопашная схватка — забава, спорт».

Участвуя в разгроме врага, писатель торжествовал: «Как я доволен, что попал на войну победоносную и для нас. Какое особенно приятное чувство испытываешь, входя в завоеванный город, видя следы вражьего бегства, огонь и дым, сжигаемых его запасов»^{ix}.

Находясь на передовой, Федор Федорович, как профессиональный журналист, удивлялся, почему в центре военных действий, своеобразно воспринималось печатное слово о войне: «Много избитых фраз, которые читались с особым удовольствием и подъёмом в мирной обстановке, теперь кажутся ходульными, ненужными и звучат не то чтобы фальшиво, а как-то не в тон. Здесь все высматривается как-то проще, обыденнее»^x.

Не проходя мимо различных эпизодов войны, писатель внимательно наблюдал за местными жителями, многих из которых постигло большое горе. У большинства дома были сожжены, имущество разграблено, жёны и дочери селян изнасилованы и частью убиты. Он подчеркивает, что в горе и гибели этих людей виновата «ужасная вещь — война».

Смерть в бою, формулирует писатель, «реет над нами незримо и каждый из нас не может быть уверенным, что проживёт следующий час». Это постоянное пребывание в опасности, по его мнению, «в конце концов притупляет нервы и делает человека фаталистом». Окопное настроение, бытующее среди офицеров и солдат, отражалось в сознании писателя. Он приходит к выводу, что «на войне люди убивают вполне спокойно и спокойными остаются после убийства». Автор в заметках, порой, смотрит на события с мистической точки зрения, примеряясь к солдатскому поверью, будто, «убивая, не надо смотреть в глаза убиваемому, иначе после мерещиться будет».

В одной из атак Федор Федорович наблюдал за полковником, добровольцем, «с седой бородой, золотым оружием и Георгиевским крестом». Писатель не заметил смотрел ли офицер в глаза смерти, но точно видел, как командир смотрел в глаза своим солдатам. С надеждой на победу, поднимая батальоны на врага, он воодушевлял подчинённых: «Порадуем царя-батюшку!». Не успел полковник в атаке продвинуться на вражеские окопы и нескольких десятков метров, как упал на землю, сраженный пулей.

По мнению Тютчева, человека глубоко верующего, православного, заставляет многих людей осознать свою греховность, обратиться к Вере и Богу. Он, глубоко почитая духовную силу, всегда носил у сердца образок св. Серафима Саровского, в жизни направлявший его на истинный путь, а на войне оберегавший от пули.

В историко-религиозных размышлениях Тютчева о войне особенно важное место занимают обряды, проводимые православными полковыми священниками. Он пишет, как часто батюшки действовали геройски, вдохновляя своим примером солдат на подвиги. Писатель свидетельствовал, как полковые священники не боялись ни пуль, ни вражеских снарядов, а некоторые даже вели за собой подразделения на вражеские укрепления. Таким образом, историко-религиозные представления Тютчева о войне содержат богатый материал для размышлений о сложной природе войны, что

позволяет более вдумчиво относиться к ее глубинным механизмам и мотивам поведения ее непосредственных участников.

В тетради № 6 с 28 февраля по 10 марта 1915 г. описано перемещение русских войск к Перемышлю. В этот период Тютчев размышлял о многих сторонах военной жизни, в том числе и о военнопленных. Писатель, исследуя их психологию, внимательно наблюдал за взаимоотношениями австрийских офицеров с нижними чинами, их бытом.

В войсках, на фоне больших неудач русской армии на фронте, вызывали радость в полках малейшие успешные операции против неприятеля. Тютчев свидетельствовал, как 9 марта 1915 г. пал длительное время удерживаемый неприятелем Перемышль — важнейшая крепость Австро-венгерской империи. Офицерство надеялось, что с взятием Перемышля будет развиваться дальнейшее наступление, но, как оказалось, это был последний успех русских войск. Несмотря на пораженческие настроения, офицер Тютчев описывал все сражения, в которых он участвовал. Так, 20 марта 1915 г. развернулся масштабный бой около Усце-Баскупе, «начавшийся утренней канонадой». Среди сослуживцев писатель отмечал высокую организованность, состояние «предбоевого лихорадочного оживления». У многих солдат, замечает автор, лица «сосредоточены, угрюмы», у некоторых «как бы задумчивые», у других «просто серьёзные», только у очень немногих «взволнованно-растерянные».

Многие исторические источники свидетельствуют о том, что для России Первая мировая война была испытанием, к которому страна не была готова. Ф.Ф. Тютчев, делает вывод, что из-за неудач на фронте энтузиазм личного состава после первого года войны сменился горьким разочарованием. У большинства солдат и некоторой части офицерства доверие к руководству армии и государственной власти было подорвано: «В воздухе чувствуется паника. — пишет Тютчев. — Я сам испытываю большую подавленность духа, и стараюсь наружно быть совершенно спокойным, испытывая чувство тайного страха»^{xi}. Русские обескровленные

части, утратившие боевой дух победителей, ждало трагическое отступление без патронов и снарядов, и, как следствие, утрата Галиции, переход от наступления к обороне.

В записях помимо описания сведений о боевых действиях, вскрытия причин государственной неподготовленности к войне, автором обозначены вопросы духовной неподготовленности к оправданию и принятию войны. Писателя волновало настроение солдат и офицеров, их отношение к войне, о чем думали и говорили пленные австрийцы, как выглядел быт жителей Польши, Галиции. Он вникал в суть процесса организации помощи раненым на линии фронта — все то, что, порой, не видели или не хотели видеть командующие армиями, их генералы.

Таким образом, легкость повествования дневника Федора Федоровича, достигающаяся высоким мастерством литератора, увлекает и захватывает читателя. За всем этим стоит тютчевское настроение оптимиста и романтика, объективный взгляд автора, правда излагаемых им фактов, искренность личных ощущений. Писатель переживал их, как говорится, своим сердцем, лаконично перенося на бумагу истории из жизни, которые прошли через его открытую душу.

В заключение следует отметить, что неординарность и одухотворенность, лаконичный русский язык, высокий литературный слог записей Ф.Ф. Тютчева, переживших столетие, ставит его работу в один ряд с авторами первой величины русской литературы. В произведениях Тютчева нет ничего придуманного, сама жизнь бьется на страницах его произведений. Честность, порядочность, любовь к родине, героические поступки на войне, искреннее раскаяние от прегрешений в быту отличает его литературных персонажей. Заслуга Ф.Ф. Тютчева состоит в том, что он поддержал в русской классической литературе и обогатил тему жизни армии, раскрыв глубокий характер крестьянина, одетого в солдатскую шинель.

К сожалению, полковник Тютчев рано ушел из жизни, собранный им богатейший материал о войне, тяжелой судьбе соотечественников не

выплеснулся на страницы большого литературного произведения философского звучания о Первой мировой войне. Но мы обладаем большим даром в виде фронтовых зарисовок из дневника Федора Федоровича. Некоторые из них все же вошли в сюжеты его рассказов: «Гордиев узел», «Героиня», «Рождество на позициях», «Командир полка», «Бой на реке Сан» и других сочинений.

Примечания

ⁱ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) // Ф. 505. Оп. 1 Ед .хр. 193. (рукопись). Тетрадь № 1,2,3,4. Пронум. 202 л. и 195 об.

ⁱⁱ Там же. С. 60.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 50.

^{iv} Там же. Тетрадь № 2 — С. 2.

^v Там же. Тетрадь № 2 — С. 3 об. I

^{vi} РГАЛИ // Ф. 505. Оп. 1 Ед .хр. 193. Тетрадь № 2 — С. 32 об.

^{vii} Скалон Михаил Николаевич (1874–1940) — генерал–лейтенант, герой Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войн, награжден золотым оружием «За храбрость».

^{viii} РГАЛИ // Ф.505. Оп. 1. Ед. хр. 193. Тетрадь № 2 — С. 6 об.

^{ix} Там же. Тетрадь № 3 — С. 66 об.

^x Там же. Тетрадь № 4 — С. 27.

^{xi} Там же. С. 58.